

А.В. Ефимова

К ЭТИМОЛОГИИ РУС. КОСТЁР 'ГОРЯЩАЯ КУЧА ДРОВ'¹

В имеющейся этимологической литературе рус. *костёр* 'горящая куча дров' традиционно связывается с **kostra* 'отходы от трепания льна, конопли', при этом иногда отмечается, что др.-рус. *костьрь* 'крепость' – совершенно иное по происхождению слово, заимствованное из лат. *castrum* 'крепость' через среднегреческое *κάστρον* (см. Преображенский I, 367; Фасмер II, 347; Шанский 8, 352–353).

О.Н. Трубачев также считает славянское **kostrь* этимологически тождественным славянскому же **kostra*: "Значение 'костёр, горящая куча дров, веток' восходит к значению 'куча вообще, поленница' (ср. аналогию нем. *Scheiterhaufen* 'костёр', собственно, 'куча поленьев': *Scheit* – 'полено', *Haufen* – 'куча'), как, впрочем, это явствует и из синхронно представленных значений слова *костёр* в русском – 'куча дров, поленьев' и *костер* в украинском – 'стог, скирда'. Следовательно, у русского слова *костёр* в общенародном значении не может быть собственной этимологии, так как оно этимологически тождественно русскому же слову *костра* 'жесткая кора, треста' и значение 'костёр, куча дров, горящая куча' восходит к значению последнего слова – 'треста, очески' как к более архаичному. Первоначально *костром* называлось сложенное кучей некоторое количество этой тресты, кострики, оставшейся после ломания стеблей льна или конопли. Далее это же название было распространено, по-видимому, более широко на кучи всякого другого материала, идущего на сжигание, на топку, тем более что именно такое употребление более всего подходило для самих отходов от обработки волокна. Прочие этимологии слова *костёр*, в частности как заимствования из разнообразных источников – из исл. *köstr*, лат. *castrum* попросту невозможны, что ясно уже из предыдущих замечаний о связи *костёр* и *костра*"². В ЭССЯ др.-рус. *костьрь* (*костерь*) также возводится к **kostra* (ЭССЯ 11, 163–164).

Однако среди значений рус. *костёр* есть и такие, которые не могут быть возведены только лишь к слав. **kostra* 'отходы от трепания льна'. Так, например, в русских народных говорах слово *костёр* употребляется в значении 'ящик-форма для складывания

свода печи' (СРНГ 15, 72), а также 'деревянный сруб под печью' (Даль³ II, 448). Ящик-форма служила для поддержания кирпичей в своде печи, чтобы они не вываливались, пока сохнет глина; деревянный сруб служил фундаментом для поддержания печи. Эти значения слова *костёр* невозможно вывести из слав. **kostra* 'куча кострики', но при ближайшем рассмотрении они оказываются тесно связанными с др.-рус. *костырь* 'крепость, укрепление'.

Др.-рус. *костырь* 'башня, крепость; укрепленный военный лагерь' является заимствованием, о чем с очевидностью свидетельствуют такие его формы, как *кастры* (Срезневский 1, 1198)³, мн. *кастра* (наряду с мн. *костры*; ср. лат. *castra*): *Поставиша 3 костры камены у новыя стѣны, на приступѣ* (Срезневский 1, 1298); *Кастра крѣпкы зѣло* (Срезневский 1, 1197); *Да отрокры твоя съхранятя неврежени иже облацы кастра ихъ* (на поле: полкы ихъ) *осѣняше и от воды иж(е) прежде бѣ земля суха явися* (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 87); поясняющие пометы на полях также свидетельствуют об иноязычном происхождении слова *костырь*. Интересно, что в офенских языках XIX в. употреблялось слово *костёр* 'город', заимствованное (вторично?) из греческого языка⁴.

Согласно имеющимся археологическим данным, крепостные сооружения в древности возводились в том числе и следующим образом: на выстроенное из бревен сооружение в виде сруба насыпалось большое количество земли, то есть возникал достаточно высокий вал, защищенный (изнутри) от размывания и осыпания. Такая крепость представляла собой укрепление земляной насыпи изнутри прочным бревенчатым срубом. Этим фактом вполне можно объяснить развитие значений 'ящик-форма для складывания свода печи' и 'деревянный сруб под печью' у слова *костёр* (*костырь*): в сущности, семантика поддержки, укрепления "изнутри" была свойственна слову *костырь* изначально⁵.

Существует также горняцкий термин *костёр* 'крепление из стоек, уложенных горизонтально одна на другую в виде треугольных или квадратных колонн, поддерживающих кровлю горной выработки' (ССРЛЯ 5, 1516). Внешне такой *костёр* напоминает сруб или башенку, что также позволяет возводить данный термин к др.-рус. *костырь* 'крепость'.

В памятниках XVI–XVIII вв. при упоминании слова *костерь* 'куча дров' речь идет, как правило, не просто о куче топлива, а об определенной укладке (бревен, жердей, дров). Так, например, в деловых документах по заготовке дров для солеварен в Соли Камской (ныне город Соликамск Пермской области) содержатся

такие указания: *Из воды дрова волочить на берег Ивану своими денгами класти плотно без хитрости концы напромитусь без сучья и без гнилых отмер дровам на берегу по обе стороны костра; В костре дрова класти концы впромитусь и отмер дровам в сажень усольскую в таможенную; А подле Усолку-реку те дрова класти в костры плотно без хитрости гнилых дров и сучья не класть, а мерить дрова в сажень трехаршинную с шестью вершиками аршинными в длину и вверх по обе стороны костров*⁶. Как показывает Е.Н. Полякова, “бревна и поленья для хранения в укладке в виде поленницы складывались в определенном порядке: в каждом определенном ряду перпендикулярно к бревнам или поленьям предшествующего ряда”⁷, то есть в результате как раз и возникало сооружение (поленница), напоминавшее башню. Следует также заметить, что в костры, как правило, укладывались нераспиленные бревна, существовало даже выражение *костровые дрова* – ‘двухметровые поленья, которые складываются в штабеля (костры) для соляного варения’: *Куплено дровъ 2 сажени березовыхъ костровыхъ да 2 воза сосновыхъ* (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 371). Необходимость измерения количества топлива обусловила появление у слова *костёр* значения ‘мера дров’ (СРНГ 15, 71–72).

С постепенной утратой первичной мотивации со стороны *костерь* ‘крепость’ слово *костёр* в говорах продолжало употребляться в значениях ‘укладка дров, расположенных горизонтально’, ‘укладка дров, расположенных вертикально’, ‘укладка дров для сушки “шалашом” или кучей в виде конуса’ (СРНГ 15, 71). В СРНГ фиксируется выражение *крыша костром* ‘четырёхскатная крыша’, это значение, очевидно, связано со значением ‘укладка бревен шалашом, конусом’ (СРНГ 15, 72).

Вообще, словом *костёр* чаще обозначаются очень большие кучи. В русских народных говорах в XIX–XX вв. отмечаются такие значения слова *костёр*, как ‘большая укладка льна’, ‘большая укладка снопов в поле’, ‘большая укладка сена’, ‘укладка перпендикулярными рядами (sic!) соленой и вяленой трески в амбарах на становищах Мурманского берега’, ‘куча съестного’, ‘ледяной затор, торосы’ (СРНГ 15, 71–72). Заметим, однако, что значение ‘куча’ появляется у слова *костер* (*костерь*) довольно рано. В Тверской летописи (под 1216 г.): *Не токмо на боищи костры мертвыхъ, но и по многымъ мѣстомъ лежаше трупиѣ, овѣи мертвы, а друзиѣи еще дышуще* (Срезневский 1, 1298); в “Повести о Сухане”: *Куды Сухан не оборотится, тут татар кост-*

ры лежат (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 368). Слово *костер* в значении ‘горящая куча дров’ встречается в XVII веке (1675 г.) в “Книге бесед” Аввакума: *На Москвѣ старца Авраамия, духовнаго сына моего, Исаию Салтыкова в кострѣ сожги* (СлРЯ XI–XVII вв. 7, 368). Значение ‘укладка бревен в виде поленницы’ для слова *костер* остается основным и в XIX в. У Даля первое значение слова *костер* – ‘поленница, сложенные в клетку дрова, встарь для сжигания трупов или преступников’ (Даль³ II, 448). Конечно, в документах XVI–XVIII вв. упоминаются и кучи другого топлива: *Перед тѣм анбаром насыпано в костре угол(ь)я, а по скаске иноземца прикащика Якова Петрова в томъ де костре 250 коробов угол(ь)я* (Собрание Гамеля, 1690 г.: СлРЯ XI–XVII вв. 7, 368); и даже кучи руды: *Подле того угол(ь)я в дву кострах руды длиною на 24 попереk на 12 сажнях, в вышину на две сажени, а по скаске ево ж Якова Фандергунста и в тех де кострах руды 12000 возов* (там же).

Таким образом, материалы говором и профессиональной лексики дают основание утверждать, что развитие значения слова *костёр* происходило следующим образом: ‘крепостное сооружение’ > ‘укрепление, представляющее собой насыпь, сделанную над деревянным каркасом’ > ‘укрепление, поддерживающее свод печи’ > ‘укрепление, поддерживающее кровлю горной выработки’. Поскольку подобные укрепления чаще всего представляли собой укладку бревен или жердей в виде сруба, произошло развитие значений: ‘укрепление в виде сруба’ > ‘укладка бревен, жердей в виде сруба (для просушки)’ > ‘укладка бревен (дров), приготовленных для сжигания’ > ‘куча дров, приготовленная для сжигания’ > ‘горящая или приготовленная для горения куча дров, щепок’.

Польск. *kostra, kostro* ‘поленница’ (Фасмер II, 347) свидетельствуют, очевидно, о том, что др.-рус. *костерь* было заимствовано через посредство польского языка (ср. такие слова, как др.-рус. *костель, кастель, костель* – от лат. *castellum* ‘башня’, также, по всей видимости, через польский язык).

Болг. *kóster*, словен. *kóster* ‘костёр’ – из русского языка (БЕР II, 665).

Что касается укр. диал. *костёр* ‘поставленные в конусовидные кучки пучки конопли или снопы камыша’ (ЭССЯ 11, 164), то здесь очевидна контаминация значений с рус. диал. *костёр* ‘тростник’, ‘высокая болотная трава’ (СРНГ 15, 72), *костерь* ‘сорная трава’ (СРНГ 15, 73) и др., восходящими к слав. **kostra* ‘отходы от трепания льна, конопли’.

Примечания

- ¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 06-04-82406 а/У.
- ² Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 83–84.
- ³ См. также: Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1900, 246.
- ⁴ Бондалетов В.Д. Грецизмы и их производные в русских аргю // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. III чтения памяти академика О.Н. Трубачева из цикла “Славяне: язык, история” (21–25 октября 2005 г., Москва). Тезисы докладов и выступлений. М., 2005, 20–24.
- ⁵ О.Н. Трубачев реконструирует лат. *castrum* как ‘выкопанное (и насыпанное)’, ‘вал со рвом’ (< и.-е. **kes-/ *kos-* ‘рыть, копать, скрести, продергивать, прочесывать’); А.С. Мельничук связывает лат. *castrum* с лат. *castro* ‘рубить’, также, впрочем, восходящим к и.-е. **kes-/ *kos-/ *kas-* (Мельничук А.С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология. 1966. М., 1968, 233).
- ⁶ Полякова Е.Н. Слово *костер* в соликамских памятниках письменности // Историческая лексикология и лингвистическое источниковедение: Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск, 1991, 12–18.
- ⁷ Там же.